

ПИЛЮЯН Маргарита Грачиевна — доцент кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Московского филиала Государственного университета морского и речного флота им. адмирала С.О. Макарова (117105, Россия, г. Москва, Новоданиловская наб., 2 корп. 1; atanor@mail.ru)

РОССИЙСКИЙ ПРОЕКТ «АРМЯНСКИХ РЕФОРМ» В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ ПЕРЕД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНОЙ

Аннотация. На рубеже XIX–XX вв. усилилась борьба армянского населения Османской империи за обеспечение своего права на жизнь и дальнейшее развитие. Из всех европейских держав только Россия попыталась оказать армянам конкретную помощь и предложила приемлемый вариант реформ для решения армянского вопроса. К сожалению, Первая мировая война помешала его реализации.

Ключевые слова: Российская империя, Османская империя, реформы, самоуправление, армянский вопрос

Российская империя была практически единственной державой, стремившейся принять конкретные меры в деле защиты жизни и имущества армянского населения в Османской империи и создания в Западной Армении реального гражданского самоуправления. Эта политика оформилась после окончания Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и заключения Сан-Стефанского мирного договора (ст. 16 этого договора касалась «армянских реформ»), а затем и Берлинского трактата (ст. 61). Однако эти намерения российской стороны столкнулись с сильнейшим сопротивлением османских властей, поддерживаемых Германией.

Ситуация получила шанс измениться с апреля 1909 г., после завершения так называемой младотурецкой революции. К руководству Османской империей пришла партия «Единение и прогресс» (*Иттихад ве терраки*), которая в процессе подготовки революции поддерживала контакты с армянскими политическими партиями и общественными организациями и дистанцировалась (по крайней мере, внешне) от антиармянской политики Абдул-Хамида II. Поэтому созданному ею кабинету трудно было с ходу отвергнуть какую-либо российскую инициативу по этому вопросу.

2 ноября 1912 г. католикос Геворг V обратился к России с просьбой вспомнить о реформах в Западной Армении. Одновременно с таким же посланием армянский общественный деятель Погос Нубар отправился в Европу. 26 ноября 1912 г. бывший тогда послом России в Константинополе М.Н. Гирс подал министру внутренних дел Турции письмо, в котором говорилось, что программа реформ от 20 октября 1895 г. так и не вошла в силу; аграрный вопрос обостряется, продолжается захват армянских земель курдами, население по-прежнему не защищено от грабежей и разбоев. Население Армении просит, чтобы реформы были проведены под наблюдением России или даже при ее вмешательстве [Джемаль-паша 1923: 216–217]. Речь не идет об оккупации, писал посол, но о необходимости более тщательного контроля извне. Гирс особо подчеркнул, что «армяне ни в коем случае не собираются поднимать вопрос о независимости Армении... Они единственно желают, чтобы реформы, предусмотренные Берлинским трактатом, были бы, наконец, проведены в жизнь» [Джемаль-паша 1923: 218].

Российский проект «армянских реформ» был разработан в начале 1913 г. Его автором стал Андрей Николаевич Мандельштам, видный российский дипломат и профессор международного права, на тот момент — первый драгоман россий-

ского посольства в Константинополе. Решение же о разработке проекта принял 22 марта 1913 г. глава российского МИДа С.М. Сазонов. В основе проекта лежала «майская программа» 1895 г. и предложения Константинопольской патриархии с поправками российской стороны. Проект Мандельштама был официально предложен Сазоновым представителям Великобритании, Франции и Германии 8 июня 1913 г. Английская и французская стороны в целом согласились с проектом, однако Германия выразила жесткое несогласие.

Согласно российскому проекту:

1) создавалась одна армянская область из 6 вилайетов (исключая некоторые сугубо мусульманские территории);

2) генерал-губернатор (вали) – христианин, лучше всего европеец, назначаемый на 5 лет султаном с согласия держав, является главой исполнительной власти; ему подчиняются судьи, полиция и жандармерия. При необходимости ему могут придаваться в распоряжение армейские части;

3) при генерал-губернаторе имеются административный совет и областное собрание, состоящие поровну из христиан и мусульман (вообще все должности делятся на паритетных началах между христианами и мусульманами);

4) в области назначаются три главных языка – турецкий, армянский, курдский;

5) частные школы, где преподавание ведется на родном языке, содержатся на взносы населения;

6) создаются особые комиссии по возврату отнятых у армян земель или их эквивалента;

7) на территории области запрещается селить мухаджиров;

8) на территории области разоружаются части «хамидий»¹.

Обращает на себя внимание интересный момент. Содержание письма Гирса и текст проекта Мандельштама подробно излагаются в «Записках» одного из руководителей последнего младотурецкого правительства (так называемого триумвирата) А. Джемаль-паши как доказательство стремления Российской империи обмануть и армян, и турок путем использования их в качестве прикрытия будущей аннексии: «Не думаю, чтобы кто-то усомнился в том, что через год после проведения в жизнь такого проекта эти вилайеты окажутся под протекторатом России или ...будут оккупированы русскими войсками» [Джемаль-паша 1923: 226]. Это была реакция отнюдь не самого консервативного младотурецкого руководителя на предложенные в проекте весьма скромные самоуправленческие права для области, которая при этом даже не должна была называться Арменией. Это свидетельствовало о тотальной подозрительности к любому проекту реформ, в особенности исходящему из российских кругов, и о принципиальном нежелании (и страхе) дать армянскому населению элементарное гражданское самоуправление.

Турецкая сторона при поддержке Германии оказала упорное сопротивление «русскому проекту». Желая расколоть «армянскую Антанту», великий визирь (министр иностранных дел) Саид Халил-паша пошел даже на то, чтобы предложить своему английскому коллеге Э. Грею только британское управление формируемой областью, однако англичане это предложение отвергли [Айрапетов 2006].

Вместе с тем из-за несогласия Германии «русский проект» в чистом виде реализовать также оказалось невозможно, и в итоге был принят компромиссный вариант с германскими поправками. Он был подписан 26 января/8 февраля

¹ *Сборник дипломатических документов. Реформы в Армении (26.11.1912 – 10.05.1914)*. Петроград. Изд-во МИД. 1915. Док. № 50, № 147.

1914 г. уполномоченным советником российского посольства К.Н. Гулькевичем, с одной стороны, и С. Халил-пашой – с другой.

Текст русско-турецкого соглашения по армянским реформам приобрел следующие отличия от первоначального проекта:

1) вместо одной области создаются два сектора Восточной Анатолии из 7 вилайетов: первый – Эрзерум, Трапезунд, Сивас; второй – Ван, Харпут, Битлис, Диарбекир;

2) назначаются два генеральных инспектора, желательны европейцы;

3) генеральные инспекторы контролируют администрацию, жандармерию, юстицию в своих секторах. При этом губернаторы вилайетов (вали) остаются на местах. Генеральные инспекторы имеют право ходатайствовать перед министром внутренних дел об их смещении «в случае чего»;

4) пользоваться «местными языками» перед судом и администрацией населения можно с позволения генерального инспектора;

5) «хамидийэ» не распускается, но разоружается (оружие им будет выдаваться в случае мобилизации и/или маневров) и подчиняется армейским командирам своих округов. При желании туда могут вступить и христиане (!);

6) не паритетное, но пропорциональное представительство мусульман и христиан в различных общественных структурах; проведение переписи населения с этой целью; но сохранение паритетности при наборе в полицию и жандармерию;

7) земельные конфликты решают генеральные инспекторы.

Таким образом, данное соглашение имело много отступлений в худшую для армянского населения сторону от первоначального проекта: в особенности это касалось сохранения «хамидийэ», отказа от единой области и частичного отказа от паритетного распределения мест в советах и собраниях (сохранялся стимул к дальнейшему сокращению доли христианского населения).

Вместе с тем впервые была достигнута вообще какая-либо договоренность. Подчеркивая большое политическое значение соглашения, К.Н. Гулькевич писал С.Д. Сазонову, что данный документ «знаменует начало новой, более счастливой эпохи в истории армянского народа... Армяне не могут не сознавать, что ныне сделан первый шаг к спасению их от турецкого ига. Акт 26 января имеет также большое значение для международного положения России. ...официально подчеркнута руководящая роль России в армянском вопросе и как бы подтверждена статья 16 Сан-Стефанского договора. Это обстоятельство не может не отразиться самым благотворным образом на международном престиже России» [Джемаль-паша 1923: 231].

Любопытный комментарий этому письму дал Джемаль-паша. Вероятно, имея в виду фразу Гулькевича о том, что сделан первый шаг к спасению армян от турецкого ига, он пишет: «Российский уполномоченный считает предложенный план реформ первым шагом к оккупации русскими Армении». «Спасение от турецкого ига» в его понимании обозначало русскую оккупацию. Тот факт, что освобождение от турецкого ига Греции, Болгарии, Сербии, Румынии вовсе не означало их русскую оккупацию, вероятно, находился за пределами его сознания.

Этот комментарий отчетливо продемонстрировал отношение младотурецкого руководства страны к любым (даже самым мягким) формам армянского национально-освободительного движения. Возможно, враждебное отношение турецких властей к Российской империи и к армянскому населению приобрело в умах лидеров «*Иттихад ве терраки*» иррациональный характер, что в скором времени и привело к трагедии 1915 г. Вместе с тем обвинение России со стороны младотурецких лидеров в стремлении оккупировать Западную Армению имело и рациональный подтекст: оно должно было объяснить миру и населению Турции,

что армяне — внутренний враг, который будет работать на возможных оккупантов, и таким образом доказать необходимость их будущего переселения и уничтожения.

В апреле 1914 г., исходя из принятого решения, в областях Ван и Эрзерум были назначены два генеральных инспектора — из Нидерландов и Норвегии [Гуайта 2004: 109]. Однако на этом, по понятным причинам, все и закончилось.

Турецкое руководство никогда не скрывало, что реформы — вынужденный шаг. «Мы надеялись, — писал Джемаль, — что, пройдя через огонь мировой войны, нам удастся освободиться от многих навязанных нам неприятных обязательств, которые давали повод к вмешательству в наши внутренние дела; ... в вопросе армянских реформ мы стремились отделаться от тех обязательств, которые навязали нам русские». Способ «отделаться» от обязательств заслуживает того, чтобы его назвать. «Договор о реформах, вырванный у нас нашим извечным врагом (Россией), не имел для нас существенного значения. <...> Царизм, который вот уже два века висел над нами дамокловым мечом, должен был быть разрушен, чтобы покончить раз и навсегда с теми зловредными интригами, которые он разводил в нашей стране. Этой давно желанной цели мы могли достигнуть, лишь ринувшись в войну со всеми силами нашей империи» [Джемаль-паша 1923: 233]. Характерно, что обе цели — «разгром царизма» и ликвидация «зловредных» реформ — увязаны вместе. Иными словами, турецкая сторона увязывала армянский вопрос именно и только с российской внешнеполитической деятельностью.

Весьма логичное объяснение заинтересованности России в «армянских реформах» дал в своих воспоминаниях глава российского МИДа С.Д. Сазонов. Говоря о своей встрече в мае 1914 г. в Ливадии с министром внутренних дел Турции М. Талаатом, Сазонов подчеркнул, что в их беседе вопросу армянских реформ было уделено большое внимание «из-за того значения, которое имело его благополучное завершение в глазах многочисленного армянского населения наших пограничных с Турцией областей» [Сазонов 1991: 163]. С точки зрения Сазонова, это «редкий и противоестественный пример народа без территории». «Наша местная администрация была крайне заинтересована в том, чтобы пограничные с нами турецкие области не сделали театром вооруженного восстания», — отмечал Сазонов. Российское участие в западноармянских реформах преследовало не только внешние, но и внутренние цели, связанные с поддержанием стабильности в приграничных районах. Никто, кроме России, не пожелал подвергнуть риску свои отношения с Турцией, поднимая эту очень неприятную для Порты проблему.

Сазонов видел значение проекта реформ в том, что они станут первым шагом по введению основ гражданской жизни среди армянского населения, за которым последуют дальнейшие шаги — с целью дать армянскому народу более мирное и безопасное существование [Сазонов 1991: 174]. Трудно сказать, какие это были бы шаги, если бы их удалось осуществить. К сожалению, Первая мировая война перечеркнула эти надежды.

Список литературы

Айрапетов О. 2006. *Внешняя политика Российской империи (1801–1914)*. М.: Европа. 672 с.

Гуайта Дж. 2004. Мец Егерн — величайшее злодеяние. — *Вестник АИМПП в Москве*. № 2. С. 99–154.

Джемаль-паша А. 1923. *Записки. 1913–1919*. Тифлис: Заккрайком РКП(б). 239 с.

Сазонов С.Д. 1991. *Воспоминания*. М.: Международные отношения. 368 с.

PILOYAN Margarita Grachievna, Associate Professor of the Chair of Philosophy and Social Sciences, Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping, Moscow branch (2, bld. 1 Novodanilovskaya Emb, Moscow, Russia, 117105; amonor_@mail.ru)

THE RUSSIAN PROJECT OF ARMENIAN REFORMS IN THE OTTOMAN EMPIRE BEFORE THE FIRST WORLD WAR

Abstract. *At the turn of 19th – 20th century, the struggle of the Armenian population of the Ottoman Empire to ensure their right to life and development was intensified. Among all the European powers, only Russia tried to provide concrete assistance to Armenians and proposed an acceptable option of reforms to solve the Armenian question. Unfortunately, the World War I prevented from its realization.*

Keywords: *Russian Empire, Ottoman Empire, reforms, self-government, Armenian question*